

- ! - все ахнули. Старый Ноккинс тоже обернулся и посмотрел на сына.

Ноккинс сначала выглядел растерянным, но потом впал в ярость и закричал:

- Ложь! Ты, подлый лжец! - его голос исказился, а интеллигентное лицо перекопилось. - Обвинять моего сына - это уже до смешного нелепо! Как ты смеешь высказывать здесь такие смехотворные предположения?!

Господин Ноккинс кричал и размахивал руками, что совершенно не вязалось с его утончённым образом. Судя по выражению лиц остальных, они тоже не ожидали такой бурной реакции, и все на мгновение замерли. И тут произошло нечто ещё более неожиданное: Ноккинс, выпучив глаза, схватил... за воротник старого Ноккинса?!

Все опомнились только тогда, когда старый Ноккинс получил от родного сына удар кулаком в левый глаз, от которого с него слетела шляпа. Они бросились разнимать Ноккинса.

Словно разъярённый зверь в клетке, Ноккинс рычал и вырывался:

- А-а-а-а! А-а-а-а! Отпустите меня! Вы, дьяволы! От... а-а-а-а!

Люди, державшие Ноккинса, быстро отпрянули. Если раньше на их лицах было недоумение, то теперь - ужас. Потому что господин Ноккинс в этот момент кричал и бился в судорогах. Его суставы, словно их ломали невидимые руки, изгибались и складывались, из носа, неизвестно когда, пошла кровь, заливая всё лицо.

- Это... в него вселился дьявол?

- Это тяжёлое отравление белладонной! У него галлюцинации! - в этот момент вперёд выбежал доктор Тодд, который тоже приехал с ними. Он обхватил больного и сжал ему челюсть, чтобы тот не откусил себе язык. Орвицка и Далиан помогли ему удержать Ноккинса, уложили его на землю, расстегнули воротник и пуговицы на рубашке.

- Переверните его, ему нужно вызвать рвоту! У кого-нибудь есть вода? - Тодд пытался засунуть ему пальцы в горло.

Старый Ноккинс, прикрывая подбитый глаз, закричал в сторону дома:

- Быстро, несите воду!

Слуги Ноккинсов уже собрались вокруг. Услышав его приказ, один из молодых слуг побежал в дом.

Ноккинса вырвало, но его состояние ничуть не улучшилось... Его налитые кровью глаза начали закатываться, и все видели, что его дыхание становится всё слабее.

Когда принесли воду, Ноккинс уже был без сознания.

Тодд открыл свой портфель, достал длинную воронку и влил воду в горло Ноккинса, чтобы она не попала в дыхательные пути. Затем он начал надавливать на живот потерявшего сознание Ноккинса, чтобы вызвать рвоту.

- Что происходит? Что здесь делают? - из дома выбежал мужчина, тоже с портфелем.

- Доктор Бердено, мой сын... - старый Ноккинс на мгновение закрыл глаза, - ...сильно

простудился и только что потерял сознание.

Орвицка, помогавший Тодду, поднял голову и посмотрел на старика. Тот встретил его взгляд спокойно и уверенно. Орвицка тут же всё понял – он, скорее всего, вот-вот потеряет сына, так как же он мог потерять ещё и внука?

- Как вы можете так обращаться с тяжело больным простудой?! – доктор Бердено, только что прибежавший, видел, что лежащий без сознания на земле Ноккинс уже не проявлял тех ужасных симптомов, а лежал спокойно. Он хотел было помешать доктору Тодду, но начальник Надевей остановил его.

- Если ничего не знаете, то, пожалуйста, стойте в стороне! – он оттолкнул доктора Бердено и посмотрел на господина Доминика. – Господа, теперь вы видите факты.

- Без сомнения! Слугу моего внука следует повесить! – громко закричал старый Ноккинс.

Господин Доминик подошёл, посмотрел на лежащего на земле, слабо дышащего Ноккинса, и на мгновение его лицо дрогнуло, но лишь на мгновение:

- Старый друг, я потерял своего сына.

Старый Ноккинс тоже посмотрел на землю:

- Я тоже скоро потеряю своего сына.

Доминик покачал головой:

- Я потерял своего сына из-за твоего внука, а твой сын умер не из-за моего. И, я знаю, у тебя есть незаконнорождённый сын, род Ноккинсов не прервётся. А вот у меня – всё иначе. Посмотри на меня, ты думаешь, я ещё смогу родить сына? И даже если будет шанс, это будет уже не мой первенец. Я не буду невежливо врывать в дом друга. Так что, ты сейчас меняпустишь, или с сегодняшнего дня мы – враги?

Остальные родители тоже встали за спиной Доминика.

Эти "благородные" джентльмены были просто пропитаны духом средневековья.

Губы старого Ноккинса задрожали, и в конце концов он, глубоко вздохнув, уступил дорогу.

Доминик кивнул, но, к удивлению, не повёл за собой толпу, а повернулся к Орвицке и сказал:

- Прошу вас, заместитель начальника Мондэйл, вы лучше справитесь с тем, с чем нам предстоит столкнуться. Остальные могут помочь доктору Тодду.

- Я... я могу, – дрожащим голосом произнёс доктор Бердено, наконец поняв, что происходит.

Орвицка, не говоря ни слова, встал и уступил место. Он поправил свою форму и, повернувшись, взял Далиана за руку. Далиан попытался было вырвать руку, но Орвицка держал крепко, и его сопротивление было бесполезным. Они вместе вошли в дом Ноккинсов.

Действия Орвицки заставили многих джентльменов удивлённо выпучить глаза, но поскольку главные из них промолчали, им тоже оставалось только молчать.

Открыв дверь, они увидели в холле юношу, который уже ждал их. Очевидно, это был Моррей

Ноккинс.

- Никто не тронет моего сына! – выбежала женщина и крепко обняла Моррея. По знаку старого Ноккинса её быстро, кричащую, унесли.

Моррей пожал плечами, развёл руками и с видом полной безысходности сказал:

- Яд подложил я. Я знаю, отрицать уже бесполезно.

Орвицка кивнул и решительно отошёл в сторону:

- Начальник Надевей, моя работа окончена.

- Почему? – господин Доминик тут же шагнул вперёд и спросил. – Дориен считал тебя своим братом.

- Вы что, поверили этому дураку? Он только и умел, что создавать проблемы в школе. Подождите, господа, не торопитесь. Вам не нужно спрашивать по отдельности, я могу ответить всем сразу. Включая дурака Дориена. Я его хоть и ненавидел, но ничего против него не имел. Он просто, как и те двое дураков, умер от жадности. Сначала я травил из любопытства, ведь мыши и кролики не могли рассказать мне о своих ощущениях. Потом мой подопытный уехал домой, а я, собрав некоторые данные, открыл для себя новое развлечение. Смотреть, как ваши глупые сыновья корчатся в муках.

Улыбка на лице Моррея была чистой и невинной...

- Но это вот-вот должны были раскрыть, что мне было делать? Я знал, что должен остановиться, а это было так ужасно. Поэтому я решил, что напоследок можно сыграть по-крупному. Но кто же знал, что кто-то окажется настолько жадным, что отравится насмерть? Я ведь так хорошо рассчитал дозу.

- Зачем ты... сделал это со своим отцом... – старый Ноккинс тоже вошёл. Он крепко сжимал трость, его костяшки побелели.

- Простите, дедушка, – на лице Моррея наконец-то появилось некоторое сожаление. – Просто смотреть, как кто-то страдает из-за меня, – это такое удовольствие, я не мог остановиться.

- Ты, по крайней мере, мог бы...

- Отравить слугу? Конечно, я мог бы. Но как только бы их посчитали больными, их бы тут же выгнали из дома, и я бы не смог их видеть. И, я знаю, что сегодня утром что-то должно было произойти... мой отец уже отравился, верно? Значит, я – единственный ваш кровный родственник, дедушка.

- ...

Поведение старого Ноккинса у двери уже подтвердило, что этот ребёнок был прав. Только он не знал, что у его деда был ещё и незаконнорождённый сын.

- С сегодняшнего дня ты больше не Ноккинс, – старый Ноккинс поднял руку и, дрожа, указал на Моррея. – В нашей семье Ноккинс нет таких ужасных монстров.

Улыбка на лице юного Ноккинса наконец-то исчезла. Он с недоверием уставился на него:

- Дедушка... вы же шутите.

Старый Ноккинс отступил, повернулся к юному Ноккинсу спиной, показывая, что, что бы ни случилось, он не будет вмешиваться.

Орвицка думал, что сейчас Надевей подойдёт и арестует этого ужасного юношу, но Надевей тоже отступил. Зато господин Доминик и другие пострадавшие медленно двинулись к Ноккинсу. Они все надели жуткие белые маски и... достали из-за пазухи кинжалы.

- Вы... вы что собираетесь делать? – юный Ноккинс попятился. Он посмотрел на старого Ноккинса. – Дедушка! Спасите меня! Отец! Мама!

Его дед был безучастен, его отец был снаружи, где его пытались спасти, а его мать, скорее всего, была заперта в комнате.

Моррей Ноккинс, рождённый с серебряной ложкой во рту, его судьба была лучше, чем у миллиардов людей в этом мире, однако...

- Дядя Доминик, я же пошутил, вы... ты же не поверил, правда? Как я мог обидеть своего хорошего брата?

Орвицка вздохнул, повернулся и вышел. За его спиной раздался крик, а затем – череда пронзительных воплей.

Выйдя на улицу, Орвицка увидел доктора Тодда, покрытого потом и с растерянным выражением лица. Он покачал головой.

Отравленный господин Ноккинс лежал на земле. Его мокрая одежда была приведена в порядок, руки сложены на животе. Без сомнения, он был мёртв.

Другой доктор, Бердено, сидел на земле с несколько отсутствующим выражением лица. Пациент, который должен был быть тяжело болен простудой, мучительно умер у него на глазах, что, очевидно, сильно потрясло его.

- Отдайте его слугам, – воспитав такого ребёнка, этот отец определённо не был невиновен, но его смерть всё же вызвала некоторое сочувствие. – Мы подождём в полицейской карете, скоро сможем отправляться.

- Хорошо, офицер Мондэйл.

Трое... четверо из Рыбьего Хвоста (Тодд тоже уже считался одним из них) сели в карету. Слуги, столкнувшись с телом своего хозяина, на мгновение растерялись, но в итоге просто перенесли его в сторону, чтобы освободить дорогу и не загораживать дверь. Таким образом, у входа остался только Бердено, который, подумав несколько минут, подбежал и постучал в дверь полицейской кареты.

Получив разрешение войти, Бердено, держа шляпу в руках, очень вежливо и скромно сказал:

- Я знаю, что вы наняли моего коллегу и собираетесь забрать его с собой.

- Да, – кивнул Орвицка.

- Тогда, не хотите ли вы нанять двух врачей? Или... мой дорогой коллега, не хотите ли вы нанять помощника? Я буду работать за половину вашей зарплаты... нет, за треть, э-э, и за

четверть тоже можно, – Бердено отчаянно торговался.

Причины его поступка были вполне объяснимы – он приехал в дом Ноккинсов в качестве врача, господин Ноккинс отравился, он этого не заметил, и это после того, как в школе-пансионе Кортас уже было массовое отравление, то есть кровавый пример был перед глазами, а он не заметил. Он участвовал в реанимации, но спасти человека не смог. Юный господин Ноккинс, очевидно, был отравителем, его недомогание, скорее всего, было притворством, и Бердено этого тоже не заметил. Теперь и юному господину Ноккинсу, скорее всего, грозила смерть. Пока Бердено и Тодд реанимировали Ноккинса, Бердено успел разузнать всё, что мог. В будущем в Хиккклине, и даже во всём Содмане, ему будет очень трудно найти хорошую работу. Те, у кого есть деньги, чтобы выбрать другого врача, к нему не пойдут, а бедняки, если только не вынуждены, к врачам не обращаются, и много на них не заработаешь.

Раз уж это было бесплатно, Орвица, конечно, не стал отказываться.

Успокоившись, Бердено сел. Его взгляд случайно упал на тело господина Ноккинса, лежащее на траве у дороги – слуги прекрасно понимали, что сейчас в тот дом им входить нельзя, но и оставлять тело господина Ноккинса где попало тоже нельзя. Хотя старик и отрёкся от господина Ноккинса, это не означало, что, узнав о смерти сына, он не выместит свой гнев на ком-то другом.

Бердено скривился. Он услышал, как сидящий рядом Тодд молится:

- Бедный человек, он даже не смог исповедаться, не смог попроситься с родными.

- Он даже не очнулся, – тут же присоединился к молитве Бердено. – Он ушёл спокойно, пусть обретёт спасение в раю.

Внезапно раздался шум многочисленных шагов. Из окна кареты было видно, как из дверей дома Ноккинсов вышла группа джентльменов в чёрном.

Они всё ещё были в белых масках, на некоторых масках были брызги крови, на чёрной одежде это было не так заметно.

Двое в чёрном остановились у дверей дома Ноккинсов, посмотрели в сторону полицейской кареты и кивнули.

Начальник Надевей, проведив все чёрные кареты, сел в полицейскую. Он с облегчением выдохнул, снял шлем и провёл рукой по мокрым волосам:

- Кровь за кровь – такова традиция хикклинцев, – сказал он, то ли объясняя, то ли просто вскользь.

В это время дверь особняка снова открылась, и оттуда выбежала женщина с растрёпанными волосами, вся в крови. Судя по одежде, это была мать юного Ноккинса. Не пробежав и двух шагов, она увидела тело своего мужа и издала пронзительный крик:

- А! Свет! Свет! Ты ведь ещё так ярко светишь, почему ты позволяешь такой трагедии происходить среди бела дня?! Как мне теперь жить? Как мне жить...

Надевей поспешно приказал ехать. Карета тронулась, крики постепенно затихли, и его напряжённое лицо наконец-то расслабилось:

- Вчера вечером я уже приказал расследовать дело Хромого Джонана. Поверьте, я впервые услышал о нём, когда вы мне сказали в тот день. Моим подчинённым тоже нужно некоторое время. Самое позднее через неделю я дам вам информацию, а если повезёт, то прямо доставлю его в полицейский участок Рыбьего Хвоста.

Хотя изначально договаривались, что допрос этого преступника будет проходить в полицейском участке Хикклина, но... теперь у Надевея уже не было такой уверенности.

На самом деле, он сейчас хоть и держал голову прямо, но смотрел на переносицу Орвицки, а не в глаза. По крайней мере, в ближайшее время он не сможет смотреть в глаза своим коллегам из Рыбьего Хвоста с чистой совестью.

- Большое спасибо за вашу помощь, начальник Надевей. Как только мы покинем этот район, мы можем пересесть в наёмную карету, - с улыбкой сказал Орвицка.

Им больше не нужно было ехать с Надевеем. Нужно было как можно скорее забрать семьи и вещи этих двух врачей и вернуться домой. Это дело было ужасным, но для Орвицки оно принесло немалую пользу.

- Лучше я сам отвезу вас из Хикклина. Хотя вряд ли, но на всякий случай, чтобы не было проблем.

Раз Надевей так сказал, Орвицка не стал отказываться. С помощью начальника они с максимальной скоростью добрались до дома доктора Тодда. Когда они приехали, госпожу Тодд как раз выгнал из дома хозяин. Она стояла на улице с двумя чемоданами, растерянная и беспомощная. Когда у её ног остановилась полицейская карета, и из неё вышел доктор Тодд, эта нежная дама разрыдалась.

- Мы просто сказали правду, Боже, разве Свет не освещает истину?

- Не плачь, дорогая, - утешал жену доктор Тодд, пытаясь всё объяснить.

В глазах этой дамы тут же вспыхнул свет надежды и радости:

- Хорошо, тогда поехали, - сказала она, легко поднимая чемоданы.

Что касается доктора Бердено, то у него была небольшая клиника. Под строгим взглядом начальника полиции Надевея хозяин вернул ему залог. Он наспех собрал пару вещей, позвал с собой супругов Тодд и упаковал лекарства и медицинские инструменты из клиники.

Имея поддержку больницы Святого Андреса, Орвицке было очень легко покупать медицинские принадлежности, но благодаря этим инструментам и лекарствам доктора Бердено они сэкономили несколько сотен золотых гербов. На этот подарок "два по цене одного" Орвицка посмотрел с немного большим уважением.

Конечно, для такого количества вещей одной полицейской кареты было мало. Не прося помощи у полиции Хикклина, они наняли две наёмные кареты, загрузили все три до отказа и вернулись в полицейский участок Рыбьего Хвоста.

Чтобы лучше разместить вещи и присмотреть за своим имуществом, они разделились по трём каретам. Орвицка отчётливо видел, что кучер кареты, в которой ехали он и Далиан, всё время смотрел на них с недоумением и тревогой. Только когда карета остановилась у полицейского участка Рыбьего Хвоста, и из участка выбежала толпа полицейских, кричащих Далиану

"начальник", он наконец-то вздохнул с облегчением.

Они попрощались. В тот вечер, вернувшись домой, Надевей, как только вошёл, обнял жену:

- Дорогая, мне очень плохо.

- Что случилось? Дело так и не раскрыто? Ничего страшного, у нас есть кое-какие сбережения, мы сможем спокойно жить в деревне.

- Нет, наоборот, дело раскрыто, сегодня утром всё закончилось. Через пару дней в газетах, скорее всего, напишут, что в школе произошла эпидемия заразной болезни, и трое... четверо учеников умерли. Я сначала расскажу тебе о деле, - он взял жену за руку и устало сел у камина в прихожей.

Пока он рассказывал, рука его жены, прижатая ко рту, так и не опустилась. Когда он закончил, она была бледна как полотно:

- Свет, в этом мире... неужели бывают такие дьяволы? Хотя это ещё ребёнок, я всё же должна сказать, к счастью, к счастью, его обнаружили сейчас. Мне страшно даже подумать, что он мог бы натворить, когда вырастет. Но для вас это ведь хорошо, почему же вам плохо?

- Я... попросил помощи у заместителя начальника Мондэйла, на самом деле, просто не хотел обращаться в Главное управление Королевской полиции. Наши дела в Хикклине не должны быть связаны с ведомствами Нортонской империи. Люди, которые приедут из Главного управления, независимо от того, раскроют они дело или нет, для нас это будет большой проблемой. А Мондэйл часто помогает Главному управлению раскрывать дела, и если бы и он ничего не нашёл, то я бы мог законно отказаться от вмешательства Главного управления. Ты поняла, дорогая? В тот момент я думал совсем не о раскрытии дела, я... я был почти как те демоны в школе? Жизни тех троих детей никогда не были на весах моего сердца. Я - ужасный демон.

Мужчина средних лет, закрыв лицо руками, заплакал. Госпожа начальник обняла мужа за плечи и поцеловала его в волосы:

- Нет, вы сделали всё очень хорошо, очень хорошо...

Пока начальник Надевей плакал, начальник Далиан задавал вопросы:

- Ты знаешь, как он отравил еду в нескольких местах? Многие из тех детей ещё не обедали, но в воде точно не было яда.

- Не знаю, - покачал головой Орвицка. На самом деле у него было предположение. Отравление произошло только среди детей из двух классов, которые в тот момент обедали. У остальных, у кого были симптомы, это было не отравление, а "массовая истерия". Сначала они думали, что у них серьёзная заразная болезнь, а потом - что их отравили. Они не обманывали, это было что-то вроде самовнушения. На Голубой планете были реальные случаи, и в фильмах и телепередачах показывали вымышленные ситуации. Но он не мог объяснить, откуда он это знает, поэтому просто молчал.

Далиан удивлённо поднял бровь:

- Ладно. Тогда, ты помнишь наш спор на гомоку?

- Конечно! Я проиграл, выбирай ты, - они поспорили, что тот, кто выиграет, выберет место для "концерта".

Далиан повернул голову и посмотрел на одну из дверей в комнате. Это была дверь в гардеробную.

<http://bllate.org/book/17916/1715916>